

§ 2. Проблемы и перспективы изучения, охраны и пропаганды исторических древностей Курской земли (1970 – 2010-е годы)

«А уверены ли вы в том, что археология имеет значение только для истории материальной культуры? А зачем её изучать, эту культуру? ... Если копнуть поглубже, то оказывается, что вы не знаете, зачем вы занимаетесь археологией. ... Поскольку археология требует денег, вы притворяетесь, что изучаете прошлую культуру, чтобы помочь нынешней. А как ей поможешь? Ну, ещё найдёте два-три украшения, ещё один черепок, на который в музее со скукой будут смотреть отличники из девятого класса... Почему вы начали заниматься археологией? Потому, что хотели копнуть поглубже и найти нечто сенсационное. Не так ли? Но тогда вы были ребёнком, кладоискателем, так сказать, романтиком. ... Археология — это тяжкий труд, а не погоня за сенсациями. ...

Археология — это наука, которая нужна для того, чтобы... А для чего, собственно?»

*М.А. Анчаров.
Сода-солнце. Повесть.
1965.*

Заключительный параграф этой главы и всей книги — самый короткий. Вопреки своему многозначительному и претенциозному названию. Между тем речь сейчас пойдёт не столько о прошлом, сколько о настоящем. И, что ещё важнее, о будущем национальных святынь материальной культуры России. То есть о самом важном по теме всей этой книжки. И про всё это конспективно? Чем же оправдается автор?

Во-первых, этот — новейший отрезок региональной археологии занимает всего-то лет 25–30. Если мы считаем началом погони за древностями в этом районе самую середину XVII столетия, а сейчас мы прорываемся к середине века XXI, то и считайте вот, насколько это ещё мало по меркам исторического времени.

Во-вторых, и это главное, — писать историю современности всегда проблематично. На сей счёт есть масса афоризмов, не всегда справедливых. «Большое видится на расстоянии» якобы, а почему собственно? Может, «на расстоянии» как раз сбивается, туманится перспектива исторического видения? К тому же мелочи-то издали наверняка теряются, а для историографа их жаль. Логика без феноменологии вообще теряет

убедительность. Ещё хуже, что «скажешь правду — потеряешь друга», а вот «мёртвые сраму не имут». И вообще «не приведи господь служить по учёной части! Всего боишься: всякий мешается, всякому хочется показать, что он тоже умный человек» — прав был Лука Лукич в «Ревизоре» Н.В. Гоголя.

Одно преимущество у актуалистической историографии: надежда похвалами и упрёками как-то повлиять на ход событий, которые продолжаются. А если и не повлиять, то высказать эту самую правду. Как говорится, для очистки совести. «Да ведают потомки православных / Земли родной минувшую судьбу, / Своих царей великих поминают / За их труды, за славу, за добро – / А за грехи, за тёмные деянья / Спасителя смиренно умоляют».

«Есть странное, но распространённое представление о праве писателя ... на воспоминания об отдельных личностях, которое выражается словами "зачем об этом писать?". Зачем писать о мрачных сторонах нашей истории? Зачем писать о слабостях известных людей? Затем, чтобы показать жизнь такой, какой она была на самом деле. И затем, чтобы изобразить людей такими, какими они были, со всеми своими достоинствами и недостатками. ... Намеренное приукрашивание их образа есть ложь»¹.

*Основоположник Курского музея археологии Николай Алексеевич Тихомиров на рабочем месте в этом самом музее.
Фото с сайта Archeo.kursk.narod.ru*

---

¹ Войнович В. А я ему не позвонил... // «Всё не так, ребята...» Владимир Высоцкий в воспоминаниях друзей и коллег / Сост. И. Кохановский. М., 2017. С. 275.

Качественно новый этап в изучении курских древностей наступил на рубеже 1980 – 1990-х годов. Так совпало, что к тому времени в Курске появился свой археолог, а вскорости и ещё один. Впервые в истории этого провинциального города. Уже не любитель, спорадически выбирающийся в поле, в отрыв от основной службы, а исследователь штатный, вполне профессиональный. Таким стал сотрудник областного краеведческого музея *Николай Алексеевич Тихомиров* (1958 года рождения). Первая половина его пути к древностям была на удивление логичной и плодотворной. Выпускник историко-педагогического факультета Курского педагогического института оказался почему-то не «комсомольским лидером», то есть не партийным карьеристом, как большинство однокурсников, а прирождённым искателем древностей. Студентом он стажировался в экспедициях московских археологов (Э.А. Сымоновича в первую очередь), а затем и сам начал разведки в окрестностях Курска. По окончании института был принят в штат областного краеведческого музея научным сотрудником. Затем пробил в штатах музея особый отдел археологии и его возглавил. Добился для этого отдела, ставшего в 1991 году филиалом, своего просторного помещения — бывшей церкви, так называемой Нижней Троицы, самого древнего в городе культового здания. Оно стояло полузаброшенным со сталинских времён, затем часть его занимал планетарий. А когда это здание вернули РПЦ, то для музея предоставили в конце 1993 года тоже старинный особняк — через дорогу напротив, так называемые «Палаты Ромодановских», редчайшее в своём роде здание не церковной, а гражданской архитектуры из сохранившихся у нас в провинции построек XVIII столетия. В конце концов, там в 1994 году был открыт отдельный, особенный — *Курский государственный областной музей археологии* (КГОМА) (улица Пионеров, дом 6 — каждый знак в этом адресе символически характеризует его обитателей).

Это событие, на мой взгляд, — *главное достижение областной археологии*. Отдельный от общекраеведческого музей древностей в российской провинции до сих пор — большая редкость. В европейской части России сравню его только с музеем «Тульские древности» («Куликово поле» под Тулой — совершенно особенный и грандиозный проект, который ни с чем не сравнить).

Николая Тихомирова по молодости приятели прозвали «Никсоном» — сказалось портретное сходство с этим 36-м президентом США, хотя высоким ростом археолог намного превосходит настоящего Ричарда Милхауза Никсона. При нашем «Никсоне» в музее и вокруг него успел сформироваться кружок молодых энтузиастов, в своём большинстве выпускников всё того же истпеда. Так что когда Тихомиров в 1994 году перешёл на работу в подразделение по охране памятников истории и культуры в составе областной администрации, в его детище — Археологическом музее ему нашлась замена. Следующим и до сих пор директором является *Геннадий Юрьевич Стародубцев* (1962 года рождения), а его заместителем, главным

хранителем фондов — *Александр Васильевич Зорин* (родился в 1967 году). Надо ли говорить, что и они закончили историко-педагогический факультет КГПИ. Получается, что этот факультет примерно раз в пять лет выпускал одного профессионального археолога... Выходит, что там, на истпеде, истоки местной генерации археологических кадров Курска, что и логично, и парадоксально в одно и то же время.

Александр Васильевич Зорин — главный хранитель курских древностей в первой половине XXI века.

Фото на сайте газеты «Друг для друга» (Курск) от 8 декабря 2015 года.

Таким путём **в Курске**, наконец, появился свой собственный **археологический центр**.

Так сошлись звёзды, что к моменту начала самостоятельных раскопок на Курской земле Н.А. Тихомировым в город приехал ещё один археолог. *Владимир Васильевич Енуков* (1956 года рождения) — родом курянин, он учился на историческом факультете Московского государственного университета. Специализировался на археологии, в основном славяно-русской. Научным руководителем его был крупный советский археолог *Даниил Антонович Авдусин* (1918–1994). По распределению Енуков с

супругой — *Ольгой Николаевной Енуковой* (до замужества Даниловой) (1956–2016), тоже археологом по студенческой специализации в том же МГУ, попали в Волгоград, но проработали там недолго. Вернувшись в родной город, Владимир Васильевич стал с декабря 1987 года преподавать в педагогическом университете, на историческом факультете, а Ольга Николаевна через какое-то время стала научной сотрудницей упомянутого музея археологии.

*Первый в Курске археолог со специальным образованием археолога (МГУ)
Владимир Васильевич Енуков на своём рабочем месте
в Институте археологии Юго-Востока Руси Курского государственного университета.
Фото с сайта исторического факультета КГУ.*

В Курске, поработав пару сезонов на раскопках у Н.А. Тихомирова, Енуков твёрдо решил найти себе новый — масштабный объект для самостоятельных раскопок. «Никсон» Тихомиров занимался в основном ранними славянами, как и научная руководительница его ненаписанной диссертации, из Института археологии РАН *Ирина Петровна Русанова* (1929–1998), а Енуков специализировался на славянах (кривичах) в предгосударственный период, да и на собственно Руси, как и его шеф по аспирантуре Д.А. Авдусин. Выбор искомого объекта оказался точен: *Ратское городище у села Беседина* километрах в 20 от Курска. О нём у меня

говорилося вище, в декількох параграфах, докладніше всього в тому, що присвячен Д.Я. Самоквасову.

*Ольга Николаевна Енукова (1956–1916) на раскопках. Фото на Ok.ru.
Второй в Курске археолог со специальным образованием археолога (МГУ).*

В 1990–1992 годах супруги Енуковы раскопали полностью площадку этого городища на речушке Рати, притоке Сейма. Именно там и тогда сложился тот коллектив, который вскоре получил название «Посемьской экспедиции»², а ещё в 2002 году — «Института археологии Юго-Востока Руси» (НИИ АЮВР³) при Курском государственном университете. Личный состав этой экспедиции = института с тех пор почти полностью заменился, да неоднократно, но идея и традиции их своими корнями уходят в ту Ратскую эпопею⁴.

---

² Правильно было бы называть экспедицию Посеймской, в соответствии с современной огласовкой гидронима Сейм. Если уж вводить в современную документацию летописное правописание, то надо будет писать не Сейм, а «Семь»; не Курск, а «Куреск»; не Владимир, а «Володимир» и т.д. Непонятное исключение с точки зрения русской грамоты.

³ Диковато звучат аббревиатуры курских объединений археологов: КОМА, НИИАЮВР, лучше полные названия: музей, институт.

⁴ Ей посвящены мои шуточные вирши: «У села Беседина компас отклоняется, / аж на десять градусов начинает врать. / Наш начальник вежливый грязно выражается, / глядя в речку мутную под названьем Рать. / Лагерем палаточным стоим над аномалией. / Вал копать мы начали, надо докопать. / Скифы со славянами здесь чтой-то не поладили, /

68

С тех пор прошло около 30 лет. За это время курская археология не только появилась на свет, но и многого добилась. Отметив несомненные и крупные достижения, нельзя обойти упущенных возможностей её же. «...Нам ведь вовсе не было, нам несбывшегося жаль» (Г.А. Шенгели). Более того, в деятельности тех же самых вполне успешных на первый взгляд курских археологов имеются и определённые недостатки, причём сплошь и рядом непростительные и опасные для будущего курских древностей. Попробую напоследок сказать обо всём по порядку.

Сначала — об этих двух главных центрах археологической науки и практики в нашей области — (археологическом) музее и (научно-исследовательском) институте (будем их теперь так для краткости называть). Что-то в их деятельности в принципе равновесно, соотносимо; в чём-то один превзошёл другой; а в чём-то оба одинаково отстают. Сравнить и оценивать станем по следующей схеме:

- *подготовка кадров* специалистов-археологов;
- *раскопки* археологических объектов;
- *разведки* новых для историографии памятников истории и культуры;
- *мониторинг* сохранности уже выявленных и поставленных на государственную охрану археологических территорий; организация их защиты от разрушения, разграбления;
- *хранение* и первичная обработка накопанных и иначе собранных артефактов минувших веков;
- *экспозиция находок* для экскурсионного обзора широкой публики;
- *научное издание* и историческая интерпретация накопленных древностей;
- *популяризация* археологии, древней и средневековой истории региона (в бумажных и электронных средствах массовой информации и издательской деятельности).

Начнём с кадров. Они, наконец, в Курске появились. Жаль, что во вторую половину своей археологической деятельности Н.А. Тихомиров постепенно от неё отдалялся, ограничиваясь сугубо охранными раскопками случайных участков городской территории по должности их инспектора. Зато в лице В.В. Енукова Курская область, наконец, получила своего рода главного археолога, причём высокой квалификации. Он ежегодно возглавляет раскопки важных памятников. Включая (впервые) исторический центр самого города Курска и других древних городов Посеймья (Ратского, Липинского археологических комплексов; города Рыльска, Моисеевского городища; других). Проведён целый ряд спасательных раскопок — на

окровавив реченьку и назвавши Рать. / Ведь сумели б запросто сто чертей с копытами / в этой стратиграфии ноги поломать! / Но начальник умный наш, года три небритый как, / объяснить попробует, что видала Рать. / ... / Мы уедем в августе далеко-далеченько / памятники новые в области искать, / но не раз приснится нам ласковая реченька / с устаревшим именем — бесединская Рать». 8 мая 1995 года // *Раменский С.* Эпиграфы. Стихи 1970–2000-х годов. Курск, 2013. С. 132–133.

пространстве 2 очереди строительства Курской атомной станции, а также в местах городских новостроек, зоне расширения песчаного карьера завода силикатного кирпича и т.п. Раскопки курганной группы у села Артюшкова Рыльского района обнаружили первые на Левобережье Днепра — V–VII веков славянские могильные насыпи (колочинской археологической культуры). Раскопки Ратского городища позволили реконструировать региональные особенности архитектуры укреплений роменской археологической культуры, уточнить юго-восточную границу Руси с Ордой в период татаро-монгольского ига. Работы в историческом центре Курска (поначалу совместно с Н.А. Тихомировым) открыли наибольшие в истории изучения этого центра сохранившиеся площади древнего культурного слоя летописного города, на основании чего стало возможным уточнить его топографию в до- и послемонгольское времена.

Вместе с украинским археологом из города Сум *Виктором Владимировичем Приймаком* продолжены раскопки Горнальского археологического комплекса славян-роменцев на Верхнем Псле, начатые А.В. Кузой и его сподвижниками в 1971–1973 годах. Однако политический разрыв с Украиной помешал этому много обещавшему сотрудничеству.

Жаль, что представители Посеймской экспедиции практически не выезжают на раскопки за пределы области (за единичным исключением античной Фанагории в Краснодарском крае, но тот выезд продолжения не получил). Молодой археолог должен поехать по разным экспедициям.

Таким образом, В.В. Енуков — первый для Курска профессиональный археолог с университетской подготовкой, богатой практикой полевых и камеральных работ с древностями, постоянно живущий и ведущий научные исследования в областном центре. Автор ряда научных работ (тезисов докладов, статей, карт, одной книги) по истории Посеймья и Курского края IX–XIV веков. Под его научным и практическим руководством сформировалась своего рода школа молодых археологов, участвовавших в раскопках на территории Курской области в 1990 – 2000-е годы.

Он неоднократно получал гранты Российского гуманитарного научного фонда, Министерства науки и образования РФ, привлекал в свой НИИ также деньги федеральных целевых программ, государственных контрактов и хозяйственных договоров. В условиях скудного и прерывистого финансирования науки и образования в 1990-е годы В.В. Енуков ежегодно находил необходимые средства на проведение археологических исследований в Курской области. Без этого многие ценные объекты исторического наследия погибли бы для науки, а новые кадры специалистов-историков не были бы подготовлены. Ведь на базе Посеймской экспедиции проходили необходимую любому историку практику раскопок студенты не только истфака КГУ, но и Сумского государственного педагогического университета (Украина), Орловского государственного университета.

*В.В. Приймак (Украина, Сумы) руководит полевыми работами.
Фото с сайта Mail.meil.ru*

Перед нами ещё организатор (совместно с тем же Н.А. Тихомировым) первых всероссийских научных конференций по археологии в Курске (1989, 1991). На этих форумах первая генерация курских археологов познакомилась и начала сотрудничество со многими видными специалистами из Москвы, Петербурга, Воронежа, Киева и других центров археологии.

Из выпускников исторического факультета КГУ В.В. Енуков подготовил группу курских археологов молодых поколений, успешно работавших в 1990 – 2000-е годы в областных учреждениях науки и культуры. Среди них Александр Николаевич Апальков, Сергей Александрович Пахомов, Алексей Анатольевич Федин, Ирина Владимировна Черенкова и некоторые другие. В составе Посеймской и столичных экспедиций на курской земле они приобрели профессиональные навыки разведок, раскопок, музеефикации памятников старины. Таким образом, областной центр впервые оказался на время обеспечен кадрами археологов, ведущих охранную, экспертную, разведочную, раскопочную, музейную, литературную работы в области древней истории и культуры края. К сожалению, скудное финансирование науки и культуры в 1990-е годы не позволило всем этим начинающим специалистам остаться на музейно-археологической работе, почти все они ушли в лучше оплачиваемые сферы предпринимательства и образования. А поколения энтузиастов раскопок, пришедшие вслед за ними, по своему постсоветскому менталитету оказались

ещё меньше мотивированы на тяжкую, неблагодарную поначалу работу в поле да в кабинете. В результате чего оказалась надолго упущенной реальная возможность обеспечить область специалистами по всем основным разделам отечественной археологии (начиная с эпох камня и раннего металла).

*«Как молоды мы были...» А.А. Федин и А.В. Зорин —
сотрудники Курского государственного музея археологии. 1997 год. Архив автора.*

Так что, кроме поименованных выше основоположников, и в музее, и в институте служат по нескольку человек из гораздо более молодых генераций, наученных методике раскопок. Они могут разбить раскоп, поставить лагерь в поле, проинструктировать рабочих (волонтёров или студентов-практикантов, школьников), как разбирать культурный слой, зафиксировать ход раскопок и произвести первичную обработку находок. У армии курских археологов появились свои, образно говоря, «солдаты», причём контрактной службы, а не практиканты на месяц-другой. Есть и «генералы», возглавляющие и музей, и институт. Нету «офицеров», то есть самостоятельных держателей открытых листов. На такую большую территорию, какова Курская область, с её разнообразием археологических эпох и культур, интенсивной хозяйственной

деятельностью настоятельно требуются местные специалисты хотя бы по основным ступеням далёкого прошлого. Потому что под угрозой уничтожения оказываются памятники самых разных времён, самотёком идут случайные находки и каменного века, и эпохи бронзы, и раннего железа, и разных других периодов. Оперативно привлечь соответствующих специалистов из Москвы или Петербурга получается не всегда. Нет и кадрового задела на будущее — когда «генералы» от местной археологии постареют и отойдут от дел, им на смену останутся в лучшем случае «ефрейторы»⁵. А будет это вскоре после ожидаемого лет через десять 1000-летия города Курска.

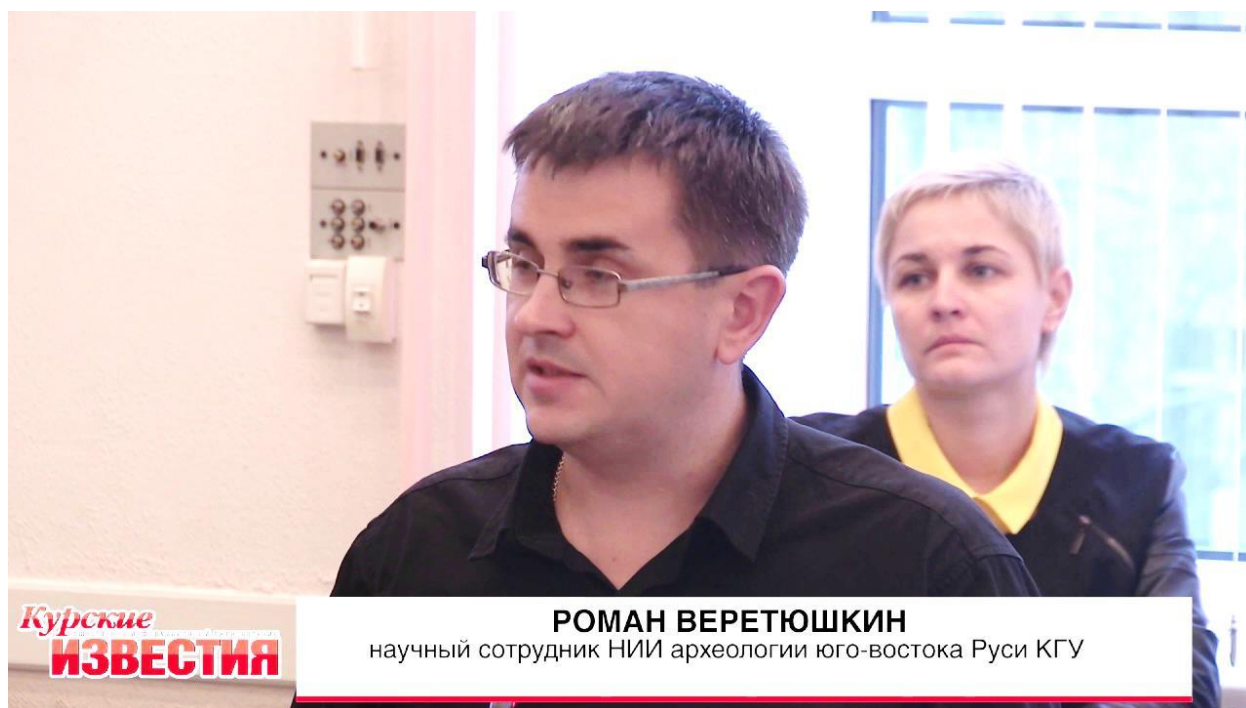
В каких-то из областей Центральной России применительно к древностям кадровая проблема решена гораздо лучше, а в каких-то гораздо хуже, чем в Курской области. Так, до последнего времени не было собственных археологов с правом на открытый лист в Орловской, Белгородской и Тамбовской областях. Сейчас они там появились, но в недостаточном количестве, и раскопок ведут мало, нередко за пределами своего региона. Гораздо лучше дело обстоит в Воронеже, Липецке, Брянске, Туле и Калуге. Там имеются специалисты по всем основным археологическим эпохам; они концентрируются не в одном-двух, а сразу в нескольких центрах: и на кафедрах университетов, и в музеях, и в государственных надзорных органах, и в частных — научно-коммерческих компаниях археологов («ООО» и т.п.⁶). Как видно, в этих субъектах Российской Федерации отцы-основатели современной археологии не убоялись конкуренции с коллегами-земляками, не только избежали затяжных конфликтов между собой, но и щедро поделились своей высокой квалификацией с представителями уже нескольких поколений научных сотрудников позднесоветской и постсоветской выучки. Курские археологи если и публикуют результаты своих исследований, то главным образом в

---

⁵ Их трогательные интервью см. в заметке городской газеты к 15 августа 2019 года — очередному Дню археолога: *Легкопытцева И.* Наука о древностях — профессия для молодёжи // Городские известия. 2019. № 99. 17 августа. С. 5. «Полевые работы не всегда совместимы с семейной жизнью, и последняя от этого страдает...», — замечает «единственная представительница слабого пола в НИИ археологии Юго-Востока Руси», сказочная Марья-искусница. Вообще, по-моему, мало выбрать археологию, надо постараться, чтобы она выбрала тебя.

⁶ В Курске эта особо актуальная сегодня форма археологической практики пока не прижилась. Тому примеры: «Компания «КРОФ "ПОСЕМЬЕ"» зарегистрирована 8 декабря 2002 года местным органом ФНС — Управление Федеральной налоговой службы по Курской области. Полное официальное наименование — КУРСКИЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФОНД СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ "ПОСЕМЬЕ". Компании были присвоены ОГРН 1024600005715 и ИНН 4632016362. Юридический адрес: 305001, Курская область, г. Курск, улица Пионеров, 6. Ликвидатор КРОФ "ПОСЕМЬЕ" — Ольга Николаевна Енукова. Компания была ликвидирована 29 апреля 2008 года» (Unfall.ru); «Курский городской общественный фонд «Древности Курского края». Дата регистрации 21.04.2003. ИНН Енукова Дина Владимировна. Ликвидировано» (Unfall.ru).

различных сборниках, периодически выпускаемых в упомянутых только что городах — соседях Курска. Там сумели дальновиднее использовать коммерческие перспективы раскопок, поддержав с их помощью научную молодёжь.

РОМАН ВЕРЕТЮШКИН

научный сотрудник НИИ археологии юго-востока Руси КГУ

Роман Сергеевич Веретюшкин и Мария Владимировна Веретюшкина — ведущие научные сотрудники Института археологии Юго-Востока Руси Курского государственного университета. Фото с сайта газеты «Городские известия».

Держателей открытых листов Отдела полевых исследований Института археологии РАН, дающих право на самостоятельные раскопки, среди курян за все эти годы нашлось немного: Николай Алексеевич Тихомиров, Александр Николаевич Апальков (1966 года рождения), Роман Сергеевич Веретюшкин. Первый теперь отошёл от дел, явно преждевременно; сейчас на пенсии. А был полноценный специалист по ранним славянам Восточной Европы и способный организатор музейной работы. Второй провёл несколько самостоятельных экспедиций, получил интересные результаты, кое-что из них опубликовал, но не выдержал жизни на скудную музейную зарплату, да ещё на всю семью — престарелую мать и двоих малолетних детей, стал дизайнером мебели (а намечался как специалист по бронзовому веку). Третий продолжает плодотворно трудиться на ниве полевой археологии в упомянутом НИИ КГУ, но на одном и том же начальном уровне: раскопки, упаковка находок. Сама по себе эта работа очень нужна и трудна. Но ею не ограничивается археология как наука: она призвана вводить древности в научный оборот, давать им историческую интерпретацию. Хотя свой специалист по славяно-русской керамике в его лице в Курске появился, и это прекрасно, на том спасибо.

Были и другие, не менее способные кандидаты на открытые листы. Но их вовремя не поддержали, не завершили их обучение, не объяснили жизненных перспектив в связи с археологией.

Схожая картина с сотрудниками музея. И тут два держателя открытых листов — директор и фондовик, плюс группа технических помощников, состав которой время от времени меняется.

* * *

«Девушка. ... Как это у вас хватает терпения целый день сидеть в одной комнате? Это кабинет?»

Учёный. Простите?

Девушка. Это кабинет, или гардеробная, или гостиная, или одна из зал?

Учёный. Это просто моя комната. Моя единственная комната.

Девушка. Вы нищий?

Учёный. Нет, я учёный».

*Е.А. Шварц.
Пень.*

Главная причина текучести кадров в провинциальных учреждениях культуры известна: низкая оплата труда, требующего довольно высокой квалификации и отнимающего много времени жизни. Однако в 2000 – 2010-е годы денег на раскопки стало поступать всё больше благодаря грантам научных и благотворительных фондов, государственным программам финансирования науки и культуры, а также хозяйственным договорам на археологическое изучение мест новостроек.

В общем, беда и вина остающихся при древностях здешних археологов, что нужный спектр кадров себе в помощь и на возможную замену подготовлен не был. Хотя возможности решения кадровой проблемы представлялись.

Важная форма институционализации науки и практики, особенно в археологии, — это *научные конференции*. Живых встреч специалистов не заменил даже Интернет с его волшебными возможностями для общения. На конгрессах, симпозиумах, полевых семинарах, на их трибунах, а в особенности в кулуарах, неформально общаются метры и начинающие коллеги, искрят идеи, спорят авторитеты, заключаются соглашения о сотрудничестве, да и просто знакомятся люди одной жизненной цели. Наш курский институт провёл за эти 30 лет одну-единственную конференцию — в 1991 году («История и археология Юго-Востока Руси»). Она вполне могла стать традиционной: обещал представительный состав участников из Москвы, Петербурга, Киева, Воронежа, Брянска, Калуги, многих других археологических центров. Но, увы, не стала.

Олег Александрович Радюш из Института археологии РАН демонстрирует журналистам свои раскопки черняховского поселения III–IV вв. н. э. под Курском. 2016 год. Фото на сайте газеты «Друг для друга».

Музей археологии в этом отношении далеко впереди: провёл три конференции, да ещё с изданием сборника полноценных статей по каждой, а не малых тезисов, как институт в тот первый и последний раз. Это конференции к юбилеям Ю.А. Липкинга (2005), К.Ф. Сокола (2008), изучения Гочевского археологического комплекса (2009). В музее мало-помалу продолжается основанное ещё Н.А. Тихомировым серийное научное издание: «Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья» (МИАДЛ, уже 5 выпусков). В институте же своего альманаха или журнала нет, что напрасно и даже странно для научно-исследовательского заведения на бюджетном коште и внебюджетных вливаниях денег.

Таким образом, по части кадров высокой квалификации в музее и в институте примерное равенство, как говорится, фифти-фифти. И там и там по две защиты диссертации за 30 лет. В институте — докторская (В.В. Енукова) и кандидатская (О.Н. Енуковой); в музее кандидатская (А.В. Зорина, по истории Русской Америки под научным руководством В.В. Енукова) и ещё одна кандидатская (Г.Ю. Стародубцева, по истории региональной

археологии, в соответствии с сюжетной канвой этой моей книжки, первого её издания).

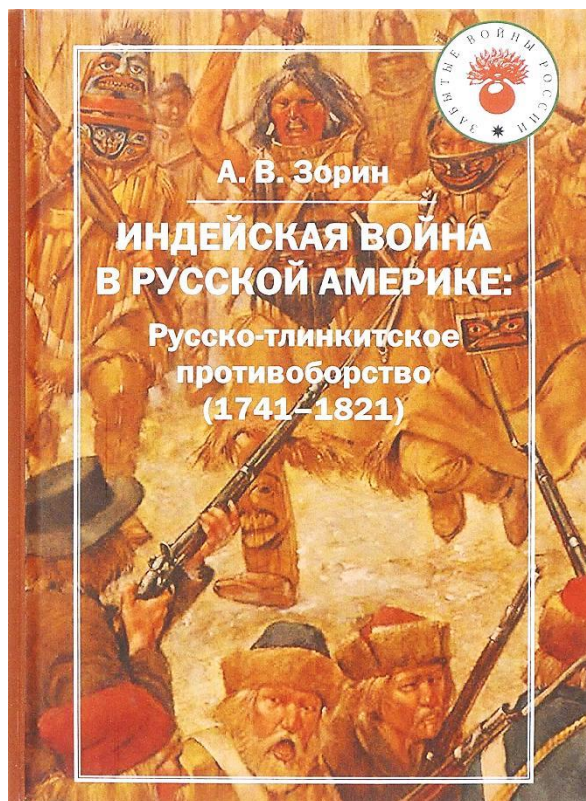

*Ольга Алексеевна Щеглова за документацией раскопа.
Фото из газеты «Проицкый вариант», в колонке Л.С. Клейна от 13 марта 2012 года.*

«Тому не нужно далеко ходить, у кого чёрт за плечами» — эти слова гоголевский персонаж сказал как будто про защиты по гуманитарным наукам в Курске. В самом Курском университете все эти годы действовал и действует теперь Объединенный совет Д 999.217.03 по защите диссертаций по отечественной истории и по теории и истории культуры. Председателем его является А.В. Третьяков, профессор кафедры истории России самого КГУ. Диссертационные советы по истории имелись также в соседнем Воронеже (два, в одном из них защищались супруги Енуковы), Брянске (там защищался Г.Ю. Стародубцев), Белгороде, Тамбове. А по самой археологии ждали и ждут диссертаций в соседнем Воронеже, в Воронежском государственном университете, на историческом факультете которого и защищались В.В. и О.Н. Енуковы, А.В. Зорин. Про московский и петербургский институты археологии, про МГУ и СПбГУ, где защищались археологи из Воронежа, Ельца, Калуги и многих других провинциальных учреждений, я уже не говорю. Куряне туда боятся соваться.

Диссертации археологов-курян напечатаны в виде книжек, у А.В. Зорина — не одной, а нескольких; не только в Курске, но и в столице. Других монографий по археологии и древней, средневековой истории в Курске за 30 лет не появилось. Музей, правда, опубликовал, как уже упоминалось, несколько сборников статей по материалам проведённых им научных конференций да пару-тройку выпусков МИАДЛа. Очень полезен

широкому кругу специалистов изданный музеем каталог его богатой монетной коллекции (пусть и электронный). Лучше всего музею удалось каталог так называемого «Волниковского клада» (М., 2014) эпохи Великого переселения народов. Это роскошное издание подготовили на средства Федеральной целевой программы «Культура России» ведущие специалисты по этому кругу древностей *Олег Александрович Радюш* (Институт археологии РАН) и *Ольга Алексеевна Щеглова* (ИИИМК РАН). Отмеченные музейные издания заметно обогатили запас знаний по местной истории и археологии, привлекли к ним внимание не только коллег-учёных, но и довольно широкой публики.

2-е издание книги А.В. Зорина (М., Квадрига, 2017).

Не могу в очередной раз не упомянуть и не похвалить А.В. Зорина, который помимо всего прочего занимается индеанистикой и опубликовал по истории Русской Америки (где имеются курские по происхождению персонажи) немало книг и статей в престижных рейтинговых журналах. Эти исследования, по моему убеждению, включают этого автора в первую тройку российских специалистов по истории Америки. В Курском государственном университете имеется «Центр по изучению США», где числятся куда менее известные, чем А.В. Зорин, в академическом мире коллеги. Лишний печальный образец местечковости и клановости в отечественной науке (КГУ). Как и отрадный пример литературной продуктивности и широты интересов для остальных наших учёных (А.В. Зорин). Правда, кандидатская диссертация о погребальной обрядности роменцев под научным

руководством В.В. Енукова осталась у Александра Васильевича недописанной, однако и по этой теме он раскопал интересные памятники и их опубликовал хотя бы в тезисной форме.

В НИИ археологии с публикациями хуже. Некоторые его сотрудники тоже публикуют время от времени тезисы и статьи по результатам своих раскопок, но в изданиях, далёких от индекса Хирша даже в его российской версии (РИНЦ) и тем более базы Скопус, других наукометрических маяков. Публикаций в «Российской археологии», других индексируемых журналах, за эти десятилетия больше, как ни странно, у сотрудников музея, нежели НИИ. Музейщикам-то ещё с экспозицией и экскурсиями приходится возиться. А у институтчиков всё время на науку. Такой же разрыв с публикациями источниковедческими — по результатам специальных анализов разных классов, групп находок или же уникальных артефактов. К анализу тех и других НИИ, в отличие от музея, меньше привлекает специалистов со стороны, хотя без геолога, физика, химика, зоолога, антрополога, искусствоведа и других экспертов археологу нынче далеко не уйти по мысленному пути в далёкое прошлое⁷.

Незаметно для большинства российских археологов, особенно провинциальных, встал вопрос: *а надо ли вообще раскапывать памятники старины* прежними темпами и методами?

Раскопки охранные, спасательные этот вопрос не затрагивают: их надо производить в первую очередь и теми способами, коими археологи сегодня владеют. Многократная интенсификация техногенных процессов — городская и загородная застройка, новые дороги и газопроводы, посевные площади и всевозможные полигоны, технопарки сейчас проектируются без всякой оглядки на интересы археологов. В Государственной думе РФ недавно возбуждался вопрос, чтобы археологическую экспертизу сделать не разрешительной, а уведомительной: начинаем стройку, а если на что интересное наткнёмся, позовём археологов... Пока эту опасную инициативу удалось отложить. Но ведь и действующая норма законодательства о визе археологов на планах новостроек соблюдается далеко не всегда. Археологам нужно не пассивно ждать таких уведомлений от представителей государства и бизнеса, а лоббировать своё право на согласование хозяйственных инициатив на всех уровнях власти, включая субъекты Федерации.

Вернёмся к *раскопкам*, для археологов плановым, *стационарным*. Здесь я бы отдал преимущество институту, потому что он последние годы продолжает раскопки в тех древних центрах, которые требуют монографического издания, исторической интерпретации. Древние города Посеймья / Попсёлья, начиная с Курска, Рыльского, Липовечска, Ратно, Горналя, ждут таких изданий. Если бросить их раскопки сейчас, то значит,

---

⁷ См. пристыжающий моих земляков, но и вдохновляющий всех провинциальных археологов пример: Материалы междисциплинарной научной конференции «Археология и естественные науки в изучении культурного слоя объектов археологического наследия» / Ред. Д.С. Коробов, А.В. Борисов, С.Н. Удальцов. М., 2018.

они велись зря: мало-мальски полной картины этих эталонных в своём роде памятников пока нет.

Юрий Юрьевич Моргунов (1947–2018) — ведущий специалист по археологии юга Древней Руси на рабочем месте в комнате коммунальной квартиры (Москва, район Сокол». Из некролога на сайте Института археологии РАН ⁸.

А вот курганные могильники и городища Гочева за сто лет полевого изучения вполне доступны для обобщающих публикаций. Последняя (а не крайняя) из них принадлежит Е.А. Шинакову и датируется 1980 годом. Вместо этого руководители музея каждый год раскапывают ещё несколько погребений, ещё кусочек поселения. Новой информации такие микрораскопки вряд ли принесут. Ещё десяток типичнейших пряслиц, несколько ножиц, черепов да пару лунниц, других украшений; если повезёт, ещё монетка... Раскопки превращаются в пионерский лагерь, где на бюджетные деньги отдыхают школьники и несколько взрослых людей. Без прямой и оперативной связи с исторической наукой раскопки сегодня уже не нужны. Если их продолжать такими же примитивными методами (на штык лопаты с выборкой вещей, планы и профили квадратов), то в обозримом будущем копать в Центральной России уже будет нечего. Необходимо расширять применение неразрушающих памятник способов его

---

⁸ См.: Коваль В.Ю., Чернецов А.В., Гайдуков П.Г. Ю.Ю. Моргунов (1947–2018) // Российская археология, 2019. № 3. С. 197–198.

зондирования⁹. У музея были попытки такого рода, институту они вроде бы неинтересны.

Во всяком случае у курян пока из года в год образуется порочный круг: лето уходит на интенсивные раскопки, а все остальные сезоны — на писание отчёта по ним. Что же остаётся на монографии и скопусовские статьи? Будущее, похожее на шагреновую кожу. Если учесть, что у археологической молодёжи летние выезды — единственный способ обеспечить себя и семью хоть какими-то деньгами, то до диссертаций у них руки вряд ли дойдут.

Гораздо полезнее масштабных раскопок были бы квалифицированные *разведки памятников старины*. С топографической съёмкой, точечной шурфовкой обнаруживаемых памятников. Мало-мальски методичных разведок за обозреваемый период ни музей, ни институт практически не вели. Понятно почему: такие поездки более трудозатратны, а результат всегда гадателен и прямого профита разведчикам не приносит. Поверхностные экскурсии для внешнего осмотра памятников не в счёт. По-настоящему паспортизировать памятник археологии возможно только благодаря точечной, я бы сказал, снайперской шурфовке. Например, для городища это должна быть шурфовка основания вала. Она должна дать опорную стратиграфию и примерную датировку основных культурных напластований поселения. В результате существующая археологическая карта Курской области, виртуозно оставленная и опубликованная А.В. Кашкиным, базируется почти целиком на документации, скопившейся в 1970–1980-е годы. Может быть, она и достаточно полная, но явно не исчерпывающаяся. К тому же при разведочных поездках возможно оценить степень сохранности уже известных памятников, что чрезвычайно важно сегодня. Поймать «чёрных археологов» за работой и привлечь к суду сейчас позволяет законодательство об охране памятников. Была бы воля археологов объяснить правоохранительным органам важность этой задачи, их перспективность для полиции, ФСБ и Национальной гвардии. Наши защитники спасают историческую память! Пока единичные случаи возврата похищенных грабителями памятников ценностей были предприняты по инициативе ФСБ («Золото гуннов» под Фатежом — об этой операции можно прочесть в Интернете). Наконец, сотрудничество с государственными органами позволит использовать для археологических наблюдений летательные аппараты-беспилотники, дроны, летающие над областью по заданиям лесничеств, рыбоохраны, МЧС и прочих служб. В других регионах России, не говоря уже про зарубежные страны, этот прогрессивный способ археологического исследования уже вошёл в практику.

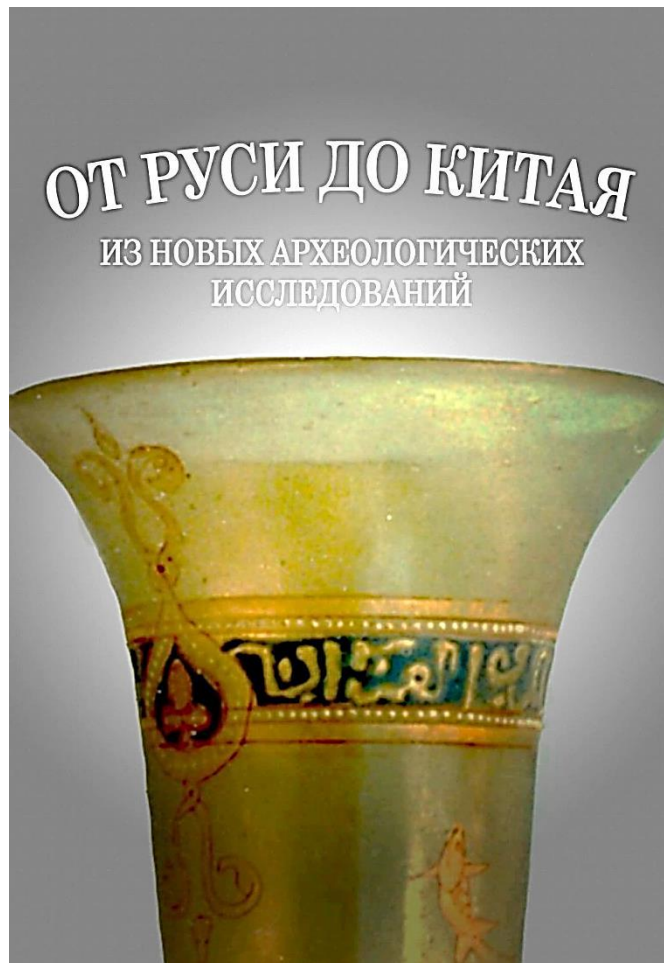
⁹ См. подборку статей: Геофизические методы в археологии // Российская археология. 2019. № 3.

* * *

«— Я нисколько не преувеличу, — сказал Холмс..., если скажу, что методология Флиндерса Питри, основанная на точной записи и сохранении данных, превратила раскопки древних городов из бессмысленного ковыряния в земле киркой и лопатой в науку».

*Х. Пол Джефферс.
Проклятие мумии.*

Между тем есть примеры куда более ответственного отношения к своему собственному творческому призванию и наследию. Приведу один: *Юрия Юрьевича Моргунова* (1947–2018) из Института археологии РАН. Он практически в одиночку за 30 полевых сезонов раскопал и разведдал довольно много древнерусских памятников, в основном в украинском Посулье, на территории летописного Переяславского княжества, но успел поработать и в Курском Посеймье, в экспедиции супругов Енуковых на раскопках городища и селища в Липине. Курская ссылка, однако, позволила Ю.Ю. выпасть из институтской чехарды дел и защитить кандидатскую (1998), а затем и докторскую (2007) диссертации.

Сборник статей к 70-летию Юрия Юрьевича Моргунова.

Самое важное, однако, не число трудов, не их вес в килограммах, даже не импакт-фактор с индексом Хирша¹⁰. В работах Моргунова содержится как количественное, так и качественное приращение исторического знания. В первом смысле им воссоздана археологическая история и топография Переяславского княжества, одного из ключевых для обороны всей Древней Руси. Этот завзятый полевик ещё и читал летописи в оригинале, как положено историку-слависту. А во втором смысле он первым создал теорию древнерусской фортификации. Не больше и не меньше. Авторы цитированного мной выше некролога Юрия Юрьевича подчёркивают, что именно он разработал и применил такую методику точечного зондажа (шурфовка основания вала) и раскопок крепостных сооружений, которая позволила понять древние земляные валы не просто как воздвигнутые некогда насыпи, а как остатки стен из дерева, заполненных землёй. Такой же в принципе конструкции оказались не только славянские да древнерусские городища, но и более ранние так называемые «змиевы валы» Поднепровья. Это открытие меняет взгляд учёных на древнерусскую культуру, её истоки; позволяет реалистично реконструировать и наглядно представить зрителям памятники фортификации Восточной Европы рубежа старой и новой эр. До открытий такого масштаба курским археологам далеко.

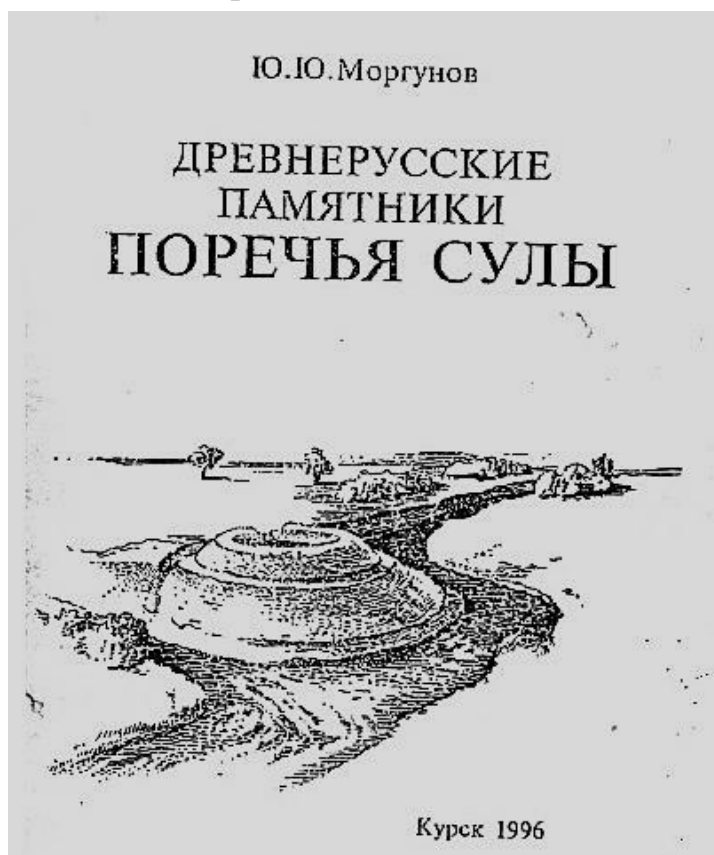
Фактов всегда хватает, упрекали нашего брата исследователя братья Стругацкие, недостаёт идей. Пример Юрия Юрьевича Моргунова показывает, что без масштабных идей, поначалу в виде рабочих гипотез, и построения соответствующей им методики разборки культурного слоя, раскопки превращаются в монотонное перелопачивание земли с выборкой вещей, каждая из которых давным-давно известна учёным. Другим условием славистики для человека, командующего раскопом, является знакомство с письменными источниками на древних языках (начиная с древнерусского) и историографией на языках современных. Пользы для исторической археологии бездумные раскопки не приносят, зря уничтожают памятник, который другой исследователь и в другое время мог бы «разговорить» по очень важным для науки вопросам. Так что лучше копать поменьше, а думать и читать побольше.

Юбилею этого археолога его Институт археологии посвятил сборник «От Руси до Китая: из новых археологических исследований (М., 2017). А ведь и правда, кроме наших южнорусских да малороссийских краёв Ю.Ю. умел поработать и в Старой Руссе, Старой Рязани, и на суровом Шпицбергене, и в пустынях Туркмении, и в степях Старополья. Его характер был предельно сложен, что приводило к неоднократным конфликтам с коллегами, включая автора этих строк. За развод с первой супругой директор Института археологии Б.А. Рыбаков даже разжаловал Ю.Ю. из научных

---

¹⁰ См., если угодно: *Клейн Л.С.* Об индексе Хирша и проделках с ним // Грани гуманитарного знания. Сб. статей к 60-летию профессора Сергея Павловича Щавелёва. Курск, 2014. С. 618–621; *Жэнгра И.* Ошибки в оценке науки, Или как правильно использовать библиометрию. М., 2018.

сотрудников в фотолаборанты. Из Старорязанской экспедиции его депортировали на середине полевого сезона обратно в Москву. Но всевозможные перипетии жизни и судьбы не помешали ему сделать в науке то, что по плечу немногим избранным.

Автор этих строк гордится докладом на IV Международном конгрессе славянской археологии (Новгород Великий, 1996), и статьёй в его трудах о происхождении Курска как летописного города, которые Ю.Ю. подготовил в соавторстве со мной¹¹. Моё соображение о суффиксе «-ск» в названиях древнейших городов (Смоленск, Изборск, Курск, Рыльск и т.п.) соавтор положил на карту Восточной Европы и мы открыли скопления центров княжеской власти с таким формантом. Зерно гипотезы о происхождении Курска и его названия начало прорастать.

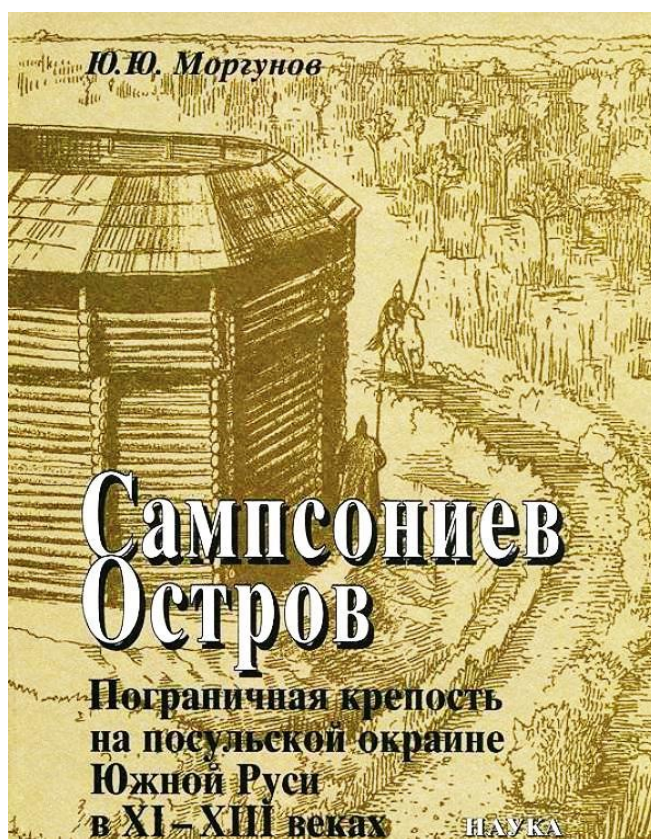
Конференции, монографии да сборники статей — важное для археологии и истории дело, но, в конце концов, тут на нет и суда нет. А вот условия хранения артефактов для археологии важны первостепенно, я бы сказал, юридически. Выкопанные, купленные на бюджетные, то есть народные деньги, они должны быть помещены в условия, гарантирующие их сохранность и доступность специалистам для изучения, публике для обозрения. Сейчас в общественном мнении россиян присутствует ностальгия

---

¹¹ См.: Моргунов Ю.Ю., Щавелёв С.П. «Куреск на Тускоре»: к вопросу о происхождении летописного города // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 2. Славянский средневековый город. М., 1997. С. 261–271.

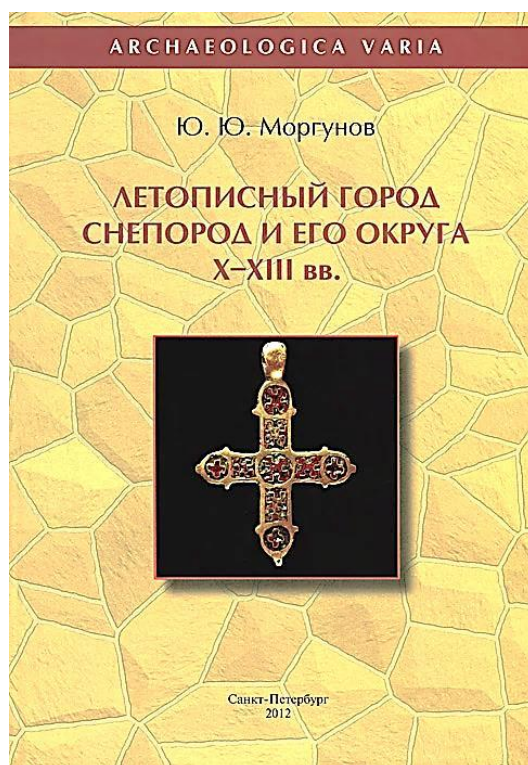
по всему советскому. Не знаю, как со всем прочим, но советские музеи в прошлом веке плохо хранили свои коллекции. Скандальную известность получили в 1990-е годы кражи раритетов из Эрмитажа, Публичной библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина и других центральных хранилищ. Но в провинциальных музеях краеведения потерь было ещё больше, только их никто не расследовал.

Так, в Курском областном краеведческом музее уже после всех перипетий войны и эвакуации оказались депаспартизированы многие археологические коллекции, начиная с Гочевских раскопок Д.Я. Самоквасова и Б.А. Рыбакова; утрачена часть суджанских кладов, другие материалы. В нашем теперешнем музее археологии эта проблема — упорядоченного хранения фондов в основном решена, а в институте никак нет. Руководитель одной из заезжих экспедиций пожаловался мне на это. Первые два сезона раскопок на курской земле он передавал находки на хранение в институт. Но при необходимости посмотреть на них в дальнейшем у него ничего не получилось: в кладовках института их не нашли. С тех пор он отдаёт находки в музей, где хранение организовано как положено.

Я уже не говорю о том, что если хранилище древностей называется музеем, у него должна быть *экспозиция*, более или менее *доступная экскурсантам*. В музее экспозиция разработана и существует на высоком — общеевропейском уровне. Она же ярко, завлекательно отражена на сайте музея. Через него ежегодно проходят сотни и тысячи экскурсантов. Например, все учебные группы разных факультетов Курского медицинского

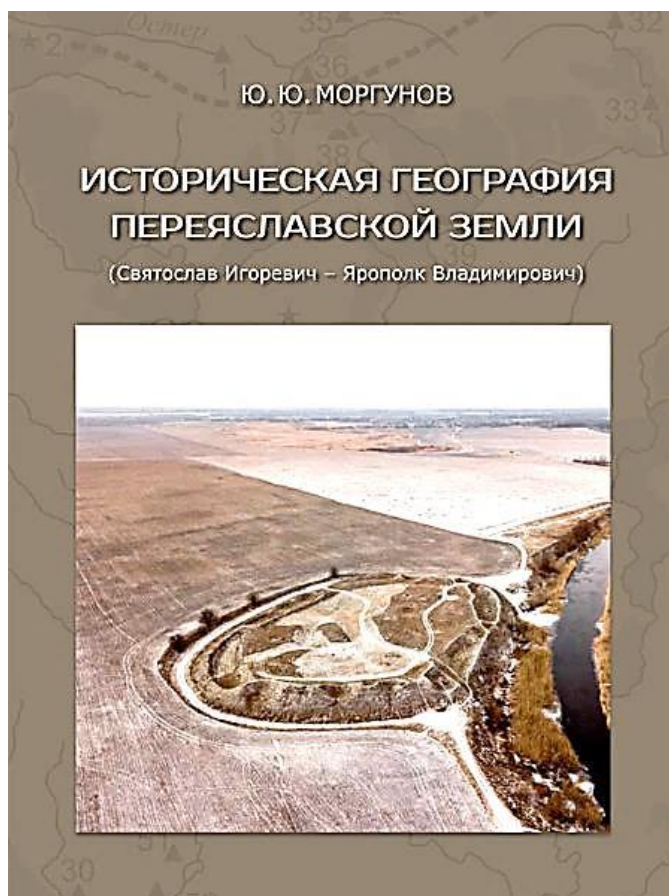
университета, где я имею честь работать, на первом же курсе посещают музей археологии. Им там проводят содержательную экскурсию, а потом у нас на кафедре философии, на занятиях по истории, культурологии, философии эта экскурсия ещё обсуждается с компетентным преподавателем. Студенты родом из Курска, Железногорска, Брянска, Белгорода, Старого Оскола, Губкина, Орла, Липецка, Калуги, Воронежа, многих и многих других градов и весей России увезут с места своей учёбы в высшей школе яркие впечатления о далёком прошлом соловьиного края. А в институте, который оставляет у себя все находки своих многочисленных уже экспедиций, музея нет. То есть он на бумаге заявлен. Но на самом деле находки хранятся в непригодных для этого комнатах; разовые выставки некоторых вещей по итогам отдельных полевых сезонов в институте случаются, постоянная же экспозиция лучших из них отсутствует. Куда водить экскурсии? Куда приезжать специалистам для работы с описями хранения? Некуда до окончания века.

По части *популяризации археологии* счёт в пользу музея тоже разгромный. А.В. Зорин с соавторами опубликовал целую библиотечку научно-популярных изданий по древней истории и археологии Курского края. Они великолепны по своей цветной полиграфии, переплётам, иллюстрациям; несколько эклектичны и мозаичны по содержанию, но зато общедоступны по манере изложения. В одной из таких серий — «Курский край. Научно-популярная серия в 20 томах», публиковавшейся Курским институтом усовершенствования учителей, вышел и единственный пока труд В.В. Енукова «Славяне до Рюриковичей» (том 3) (2005). Больше популярных текстов институт не родил. Правда, после Ю.А. Липкинга за полвека и никто

пока не подготовил краткого, компактного, авторского, а не компилятивного учебного пособия по истории Курского края с древнейших времён до начала Нового времени для старшекласников, студентов, любого заинтересованного читателя. Пока что такие пособия вышли в Воронеже, Брянске, Калуге, Липецке, Ельце, других центрах, но не в Курске, где специалисты по всему этому вроде бы тоже есть.

Кроме музея и НИИ археологии, штатные специалисты по раскопкам появлялись и в составе «Инспекции по охране и использованию объектов культурного наследия (памятников истории и культуры Курской области)». Так, туда из института на время переходил ученик Енукова Р.С. Веретюшкин, а из музея сам Н.А. Тихомиров. О настоящих возможностях этой структуры говорит уголовное дело, заведённое недавно на прежних руководителя и бухгалтера инспекции¹². Им вменяется в вину заключение с 31 октября 2016 года по 3 апреля 2017 года целых 8 договоров с индивидуальным предпринимателем (кто же это? а открытый лист?) общей суммой более 2 миллионов рублей на несколько эпизодов раскопок перед тем, как дать разрешение на новое строительство. Украденные у инспекции деньги обналачивались и присваивались обвиняемыми. Однако, по данным правоохранительных органов, никаких раскопок тогда произведено не было.

¹² Не охранять, а наживаться // gtrk.kursk.ru.

Дело о фиктивных раскопках направлено в суд ¹³. Печально, но закономерно для потребительского отношения к археологии, которое даёт о себе знать и в нашем регионе. А кто ответит за 8 участков культурного слоя, погубленного строителями?

А.А. Узьянов и А.В. Кашкин на раскопках 1984 года Переверзевского-2 городища на реке Пускари под Курском. Архив автора.

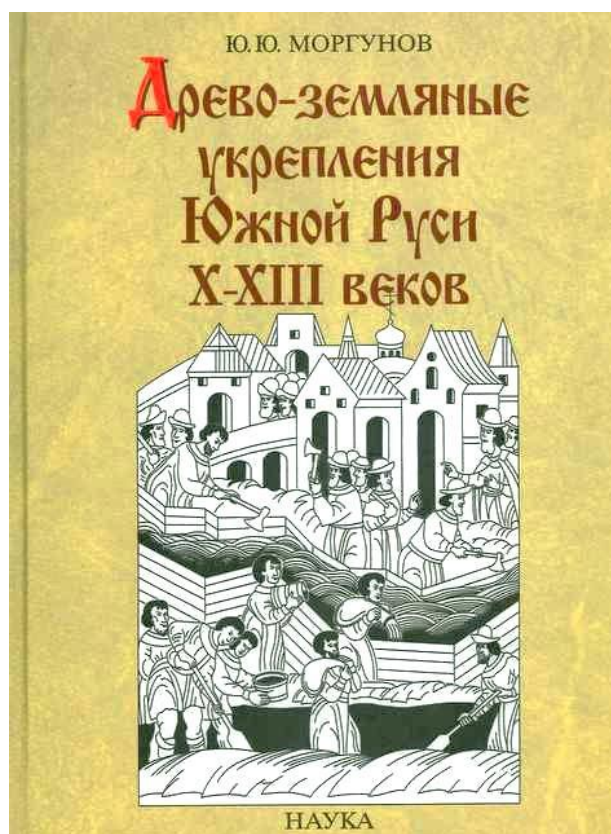
Конфликты между отдельными археологами и хозяйствующими субъектами, где обе стороны обвиняли друг друга в недобросовестности, имели место и раньше. Так, курский завод силикатного кирпича в 1990-е годы несколько лет добросовестно платил археологам из Курского университета за то, что те изучали территорию вокруг песчаного карьера у села Липина. В итоге конца таковому «изучению» не предвиделось. Завод обратился к иногородним специалистам-посредникам, которые установили, что в охраняемую зону упомянутые курские археологи включили значительную территорию без малейших следов культурного слоя. Экспертов пришлось вызывать из Ханты-Мансийска, поскольку коллеги из сопредельных с Курском регионов проявляют ложную солидарность с курскими археологами. Шлейф от этой некрасивой истории тянется по сей день. Уже после смены губернатора области скандал между застройщиками и археологами был вынесен на трибуну Общественного совета по

---

¹³ Прохоров И. В Курской области идут под суд начальник и главбух инспекции по охране объектов культурного наследия // Друг для друга. 2018. 10 сентября.

градостроительству. «Предприниматель Константин Серебренников выступил от имени всех застройщиков и обвинил Управление администрации Курской области по охране объектов культурного наследия в бездействии. – Вы говорите, что есть какие-то зоны. Покажите их на карте! Где проходят ваши зоны? Нет их! – возмутился Константин Серебренников. – Вы не хотите работать! Вы реально не устанавливаете ни зоны, ни координаты. При этом вы полностью парализуете работу строительного комплекса, и не только застройщиков!»¹⁴ Вы, археологи, не хотите работать... Таков в Курске глас трудового народа, то есть предпринимателей, которые, между прочим, платят налоги в казну, из которой финансируются раскопки. А журналисты уверены, что «за каждым нарушением зоны охраны памятников стоит коррупционная схема»¹⁵.

На нынешнем (август 2019) официальном сайте администрации Курской области, в штатах комитета по культуре я уже (пока?) не нашёл охранного подразделения вообще. Приехали. Наш субъект Федерации в данный момент лишён государственного органа учёта и охраны памятников истории и культуры. Чья доля вины в этом больше, чья меньше — археологов, или чиновников, или археологов-чиновников?

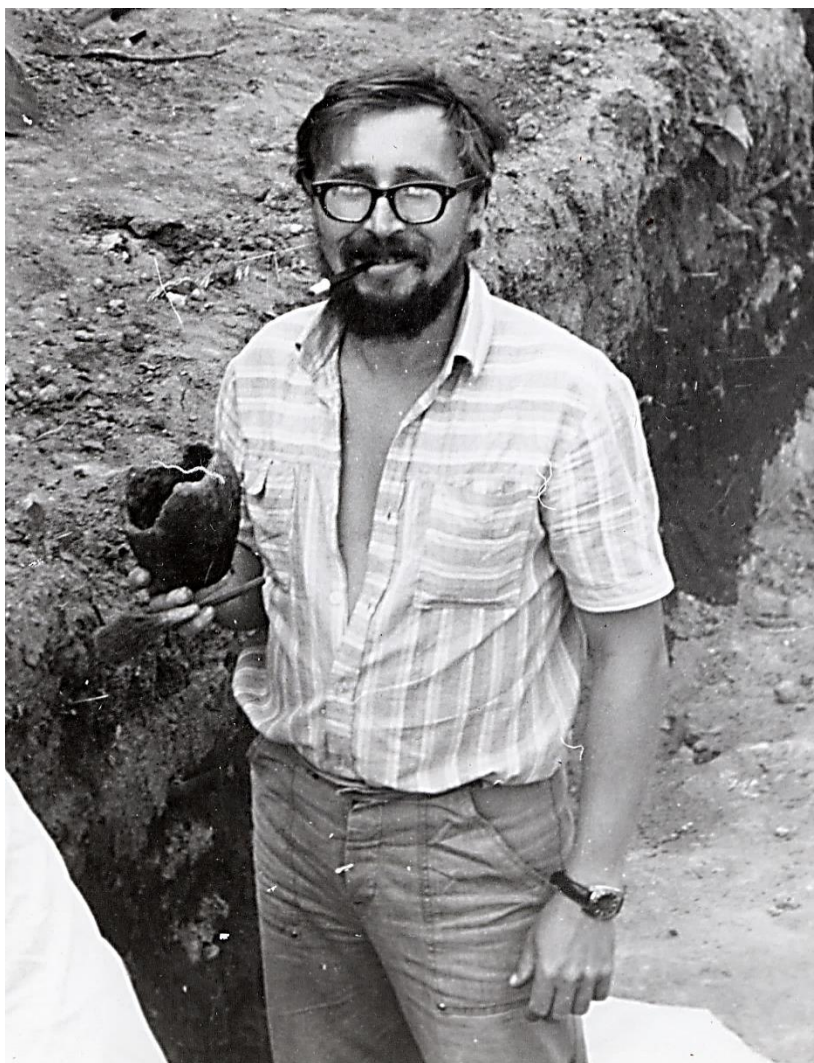

А в недавнем прошлом картина тут была иная, многообещающая. Весьма результативно, в том числе по археологической части, потрудились

¹⁴ Vvv.46. tv. ru. 2019. 21 января.

¹⁵ *Танита Ортега*. Администрация города Курска дошла до Верховного суда с исками к администрации области // Секунда. Информационное агентство. 2018. 27 июня.

группа инвентаризации памятников истории и культуры при комитете культуры администрации области, созданная в 1992 году по инициативе тогдашней начальницы областной инспекции по охране исторических памятников Ольги Викторовны Киселёвой. В эту группу входили недавние выпускники высшей школы А.В. Зорин, Е.Р. Касатуров, С.А. Пахомов, А.А. Федин, И.В. Черенкова, Е.В. Холодова. К сожалению для областной культуры, накопившая за несколько лет дружной работы богатый опыт изучения и охраны памятников старины группа молодых специалистов оказалась недальновидно распущена после завершения первичной каталогизации всех этих объектов — не только городищ да курганов, но и церквей, кладбищ, монументов и т.д.

Александр Антонович Узьянов (1947–2007) — руководитель раскопок Переверзевского-2 городища под Курском. 1984 год. Архив автора.

Возможность превратить этот коллектив из временного в постоянный центр историко-культурной экспертизы и надзора за состоянием археологических, архитектурных, мемориальных и прочих памятных мест края — упущена областным начальством, как видно, на всё обозримое

будущее. Вот сейчас все кому не лень ругают 1990-е годы, а ведь тогдашний прорыв к свободе был не только плох, но и хорош в каких-то отношениях. Даже чиновники тогда могли поддержать благую инициативу по части науки и культуры, а не прятать её за ширму «общественных обсуждений», как сегодня...

Новостроечная экспедиция Института археологии в зоне строительства Курского водохранилища на реке Шусқари. Слева направо (от зрителя): А.В. Кашқин, А.И. Верещинский-Бабайлов, А.А. Узянов, Ю.А. Смирнов. 1983 год. Архив автора.

Писатель К.И. Чуковский говаривал молодым литераторам, что «бескорыстие дороже продаётся». Недальновидно поступает тот, кто предпочитает единожды сорвать куш, заплатив за него своей пожизненной репутацией в деловом сообществе, а значит и будущими законными доходами. Тем более что кроме эфемерной репутации смертных лиц в нашем случае пострадают и вечные по идее памятники археологии, которые станут некому исследовать перед их уничтожением строителями.

Вот тут возникает едва ли не главный вопрос всей региональной археологии — *об учёте и сохранности памятников старины* на подведомственной территории. Во всём цивилизованном мире уже преодолена архаичная схема практической археологии.: приехать на памятник, покопать его, увезти находки. Даже на Ближнем Востоке, в землях, освобождённых от так называемого «Исламского государства» (террористической организации, запрещённой в РФ), археологи берут все известные памятники на учёт и следят за их сохранностью. Что же говорить о вполне благополучной Европе. Да и во многих археологических центрах

России ради поиска, охраны и изучения исторических памятников уже вовсю применяют дроны и другие возможности спутникового слежения. Только не во вполне мирной и не самой бедной Курской области.

*Президент Российской Федерации В.В. Путин
встречается с молодыми учёными-историками 5 ноября 2014 года.
Крайний справа — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Центра «Восточная Европа в античном и средневековом мире»
Института всеобщей истории РАН, а также старший научный сотрудник
Международного центра антропологии факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
А.С. Щавелёв. Фото с сайта Кремля.*

У нас идёт своя война. И ведут её так называемые «чёрные археологи». Правда, по другую с ними сторону линии фронта молчание. С незаконными копателями никто не борется. Более того, и музей, и институт с ними сотрудничают, даже братаются. Консультируют их находки, принимают часть из них в дар, помещают в своих изданиях изображения незаконных находок. Этим всем занимается и музей, и институт. Об этом позорном альянсе я рассказываю подробнее ниже, в Приложениях ко всей книге («Областная археология в чёрно-белую полоску»). Цену вопроса ярко рисуют следующие эпизоды. В один вроде бы прекрасный для одной курской

археологической экспедиции выходной день на незаконченный раскоп обширного селища нагрянули чёрные копатели и выбрали оставшийся культурный слой со дна расчищаемых построек, увезли на переборку вещей. Руководители и личный состав экспедиции на воскресенье уехали в город. Ищи ветра в поле. Дежурные, оставленные по соседству с раскопом в лагере в сосновом лесу, ничего не заметили. Другая курская экспедиция несколько лет докапывала славяно-русские курганы — те, что остались после «чёрных копателей», в те же самые годы приезжавших в это село до курской экспедиции на внедорожниках и рывших там курганы в поисках археологических комплексов для продажи на интернет-аукционах. Сельские жители сообщали археологам номера автомобилей их предшественников и конкурентов. Но связаться с местными органами милиции или же областным ФСБ у археологов в этой ситуации желания не возникло. Зачем же портить себе такими страхами «каникулы Бонифация», в которые превращается у них маленькая семейная экспедиция на курганы да городища. У нас в Курске в ситуации с грабителями памятников старины да легальными, на госслужбе археологами согласно пословице: «и волки сыты, и овцы целы».

* * *

*«Я в свою ходил атаку,
Мысль одна владела мной:
Слажу с этой, так со всякой
Сказкой слажу я иной.*

...

*Не держи теперь в секрете
Пу ли, эту к делу речь.
Мы с тобой на этом свете:
Хлеб-соль ешь,
А правду режь».*

*А.П. Пвардовский.
Тёркин на том свете.*

Иной читатель упрекнёт автора: вот вы всё критикуете, требуете, а сами что ж не делаете? Но я не археолог, а историк, историограф. Кто на что учился. Свои три диссертации я защитил, дюжину книжек издал. Семью защищёнными кандидатскими и двумя докторскими диссертациями руководил. Как описывал в предисловии к этой завершаемой здесь книжке, просидел многие месяцы в дюжине больших архивов исторических документов. Получал по межбиблиотечному абонементу сотни редких книг и журналов XVIII–XX веков. И рукописи, и печатные источники надо было законспектировать или переписать дословно шариковой ручкой в общие тетради, затем перепечатать на машинке. А когда появились компьютеры (первую «четвёрку» я купил в 1994, кажется, году), заготовленные в архивах да библиотеках рукописи да их машинописи — перенабрать уже в него.

Дальнейший путь к типографской печати уже был полегче. Все вышедшие в свет мои книжки и прочая печатная продукция перечисляются ниже, в списке моих публикаций. Не знаю, как будет с моими работами по философии, по истории юго-востока Руси, но по историографии средневековой истории и археологии соответствующие публикации составили некую парадигму, по которой в дальнейшем рассматривалось отношение к древностям в соседних с Курским регионах Центральной России многими авторами, как столичными, так и в особенности провинциальными. Так что перед Клио и Мнемозиной я уже отчитался.

Писатель Фёдор Каманин как-то воспроизвёл рассуждения своего родителя, деревенского печника 1930–1940-х годов на Орловщине: «Вот, Хведя, в чём вопрос: я печку сложу в Бытоши, расчёт получу, куплю гостинцев матери и детям. Себе чекушку и селёдку, сяду под ветлой, помнишь ветлу под Бытошью, молнией разбитую, выпью, закушу. Положу раскладку под голову и засну. Кто мимо пройдёт, никто не тронет, видят — печник спит. А пуцай Сталин так ляжет...»¹⁶

* * *

*«Только пепел знает, что значит сгореть дотла.
Но я тоже скажу, близоруко взглянув вперёд:
не всё уносимо ветром, не всё метла,
широко забирая по двору, подберёт.
Мы останемся смятым окурком, плевком, в тени
под скамьёй, куда угол проникнуть лучу не даст.
И слежимся в обнимку с грязью, считая дни,
в пережной, в осадок, в культурный пласт.
Замаравши совок, археолог разинет пасть
отрыгнуть; но его открытие прогремит
на весь мир, как зарытая в землю страсть,
как обратная версия пирамид».*

*И.А. Бродский.
1986 год.*

Вернёмся к центрам или пунктам региональной археологии.

Небольшие музеи краеведческого плана, обязательно с археологической частью экспозиции, существуют и в большинстве районов Курской области. Недавно их оформили как филиалы областного краеведческого музея. Вряд ли это улучшит их положение. Но свою полезную роль они играли и играют. Важно показать школьникам и туристам живую историю этого кусочка России. Сюда можно обратиться со случайной находкой каких-то древностей.

---

¹⁶ Цит. по: Рассадин С. Книга прощаний. М., 2004. С. 187.

Так, *Дмитриевский краеведческий музей* имени А.Ф. Вангенгейма ведёт свою историю с 1919 года, когда его основал и возглавил этот выдающийся натуралист и краевед (О трагической судьбе которого я рассказывал в предыдущей главе).

Рыльский краеведческий музей того же возраста, но имени своей основательницы Софьи Константиновны Репиной он почему-то не носит. Хотя её заслуги отражены в экспозиции.

Н.Б. Ахметгалева в научной командировке в Якутске принимает участие как трасолог в изучении мамонта Юка. 2016 год.

Льговский, Беловский, Глушковский, Горшеченский, Касторенский, Коньшёнвский, Корневский, Обоянский, Пристенский, Советский, Суджанский, Тимский, Фатежский, Щигровский музеи курских районов примерно одинаковы по пропорции древнейшей и новейшей истории микрорегиона на своих красочных стендах и в составе хранящихся фондов.

Приятным для археологов и призывным для музейщиков исключением является *Курчатовский городской краеведческий музей*, созданный в 1998 году. Этому району повезло: в нём живёт и работает профессиональный археолог — кандидат исторических наук (2006) *Наталья Борисовна Ахметгалева* (в девичестве Королёва) (1969 года рождения). Она любезно предоставила мне подробную справку о музее и своей экспедиции, которая с

середины 1990-х годов раскапывает богатый памятник древнего каменного века — группу стоянок у деревни Быки того же района ¹⁷. Резюмирую эту информацию, из которой видно, что районный музей способен стать полноценным центром научной археологии, ни в чём не уступающим ни областным, ни даже столичным учреждениям этого профиля (с которыми, кстати говоря, этот районный музей успешно сотрудничает).

Курчатовская археология в городском музее.

Первоначально фонды музея сложились из предметов, переданных музеем городским клубом коллекционеров, местными археологами и жителями (коллекции домашней утвари, кости животных ледникового периода, предметы времён войны и прочее). В 2001 году в его состав вошли Музей трудовой славы (основанный в 1979) и Музей народного гончарства (основанный в 1991). В настоящее время в музее числится около 35 тысяч единиц хранения. Экспозиция размещается в 7 залах общей площадью 250 м². В музее работают 6 отделов: природы, археологии, истории и этнографии, народных промыслов, современной истории, научно-просветительский. Курчатовский музей является членом Союза музеев России и входит в Ассоциацию музеев Центральных регионов России.

¹⁷ Ахметгалева Н.Б. Каменный век Посеймья. Верхнепалеолитическая стоянка Быки-7. Курск, 2015. 254 с.

Этот сложный сгусток стоянок охотников на мамонтов открыл А.Н. Апальков, а первым начал исследовать А.А. Чубур (Брянск) вместе с Н.Б. Ахметгалеевой.

*Лошадка из раскопок палеолитической стоянки Быки под Курчатовом.
Реконструкция Ю.И. Гири.*

Трижды представители этого музея становились лауреатами областной премии имени Н.Н. Гордеева для музейных сотрудников: директор Е.Е. Цуканов (2005), Т.Е. Скобликова (2008), Н.Б. Ахметгалеева (2012). В 2011 году заведующая отделом природы И.А. Азалиева стала лауреатом городского конкурса «Курская антоновка. Человек года» в номинации «научно-исследовательская и культурно-просветительская деятельность».

В 2006–2008 годах музей получал гранты РФФИ на проведение фундаментальных научных исследований в области археологии каменного века. В 2008 году музей стал победителем открытого конкурса Федерального агентства по атомной энергетике среди некоммерческих организаций. С 2011 года музей как партнёр входит в состав Международного научного объединения «PREHISTOS. Использование костных материалов в Европе». В 2012 году заведующая отделом народных промыслов Т.Е. Скобликова получила звание «Народный мастер России». Отделом археологии в музее заведует Н.Б. Ахметгалеева. Трижды за последние пять она как специалист по следам на костяных изделиях выезжала для преподавания в Международные археологические школы. Дважды (2015, 2017) становилась участником и докладчицей всероссийских археологических съездов. В 2014 году Н.Б. Ахметгалеева приняла участие в самом крупном XVII конгрессе Международного интернационального союза протоисториков и преисториков в Испании. В 2013 году и на базе этого музея состоялось

Международное совещание по изучению древних косторезных культур в рамках работы европейского объединения «Преистория».

Ежегодно музей посещают более 20 тысяч курчатовцев и приезжих туристов.

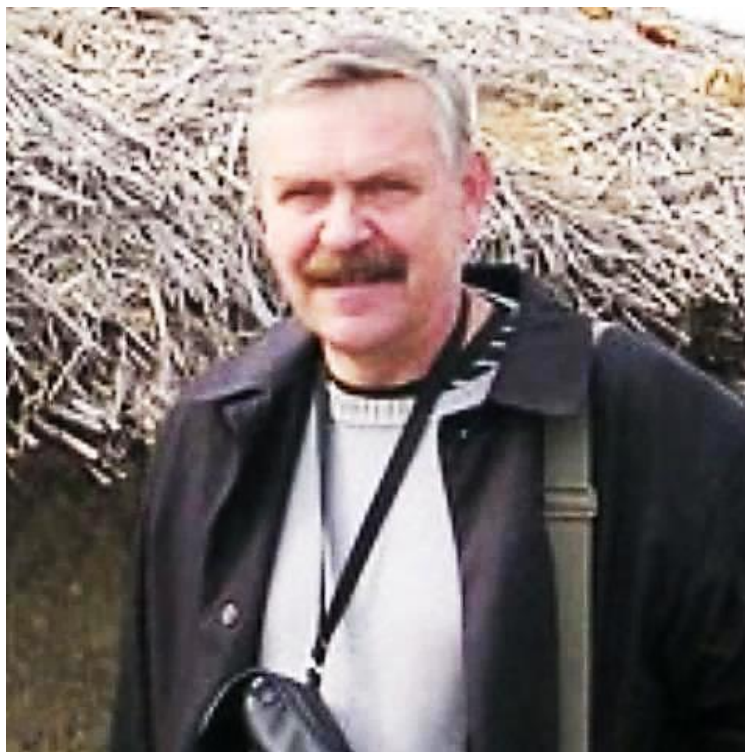
*Пётр Григорьевич Гайдуков на своём рабочем месте в Институте археологии РАН.
Фото с сайта Новгородской археологической экспедиции.*

Научные результаты той археологической кампании весомы.

Систематические разведки П.Г. Гайдукова и некоторых его коллег значительно, на несколько порядков обогатили коллекцию паспортов археологических объектов в областном комитете культуры; подтвердили или уточнили имевшиеся там ранее картографические данные. Тем самым была создана довольно полная база данных обо всех памятниках археологии в Курском Посеймье, которая до сих пор сохраняет своё охранное и научное значение, поскольку за прошедшие с тех новостроечных экспедиций годы не была сколько-нибудь существенно дополнена. Причём именно те разведки со сборами подъёмного материала и выборочной шурфовкой памятников были осуществлены на практически современном уровне археологического знания

Многочисленные публикации *Александра Антоновича Узанова, Александра Владимировича Кашкина* (тезисы, статьи), *Александра Вадимовича Григорьева* (три монографии) в первую очередь и ещё кое-кого из их коллег окончательно ввели в науку роменскую археологическую культуру, впервые достаточно полно представили её исторический «портрет» и роль в становлении Древней Руси, отношения к северным и южным соседям. Тем самым была заполнена принципиальной важности лакуна в понимании судеб восточного славянства, политогенеза и вообще

цивилизационных процессов на Днепровском Левобережье рубежа I и II тысячелетий новой эры. То есть на показательной, модельной основе — Среднерусской возвышенности в целом.

*Александр Владимирович Кашкин на археологическом маршруте.
Фото с сайта Института археологии РАН.*

Эта их работа была кооперирована с представителями Института географии РАН, почвоведом и экологами. В результате А.А. Узянов и его сотрудники выдвинули и обосновали результатами раскопок целый ряд концептуальных гипотез: о ландшафтной приуроченности и динамике размещения разных типов поселений в Курском Посеймье на рубеже I и II тысячелетий новой эры; вещественных признаках и темпах урбанизма и политогенеза в роменском социуме; характере язычества на юго-восточной окраине Руси; времени и периодах завоевания левобережных славян Киевской Русью; поставил другие новые и важные для науки выводы. Вот такие интеллектуальные взлёты, практически недоступные рядовым раскопщикам. С.Д. Довластов с горькой иронией писал о своих «невидимой (в СССР) книге», «невидимой (в США) газете»... Вот и у талантливейшего Узянова, первым среди учёных наметившего теорию культуры славян-роменцев, то есть огромной окраины славянского мира, монография осталась невидимой, погребённой под грудой тезисов.

Результаты полевых и кабинетных штудий упомянутых авторов полнее всего отразил систематический *свод археологических памятников Курской области*, подготовленный к середине 1990-х годов в Институте археологии РАН А.В. Кашкиным. Двухтомный труд А.В. Кашкина уже стал настольным

пособием для всех археологов и историков, занимающихся изучением Курского Посеймья как культурно-исторического региона.

Александр Владимирович Григорьев (1959–2016) — человек без законченного официально образования; автор первой российской монографии о роменской археологической культуре. С сайта ежегодника «Древнейшие государства Восточной Европы».

Вместе с аналогичными сводами, составленными тем же автором по Брянской и Белгородской областям, получился без преувеличения уникальный комплекс научно-практической информации долговременной ценности.

Анна Ивановна Тузикова по началу своей богатой и плодотворной археологической карьеры.

Анна Ивановна Пузикова, в свою очередь, значительной частью своей долгой жизни в археологии связана с Курском. В 1969-м, 1972-м она возглавляла Южно-Курский отряд, а в 1973–1988-м, 1991-м — Курскую и Курско-Белгородскую экспедиции Института археологии Академии наук. Именно под её началом прошли первоначальное обучение те несколько молодых историков (А.Н. Апальков, А.В. Зорин, А.А. Федин, др.), которые затем примкнули к экспедиции В.В. Енукова. Монографии Анны Ивановны о Марицком на Сейме и Переверзевского на Тускари городищах, других памятниках Посеймья скифской эпохи впервые осветили историю раннего железного века в регионе.

Эраст Алексеевич Сымонович (1919–1983) положил начало систематическому изучению киевской, черняховской, колочинской археологических культур на их северо-восточном краю, то есть в Курском Посеймье.

*Эраст Алексеевич Сымонович — апологет славянской принадлежности археологического Черняхова — державы готов Германариха.
Фото с сайта Scythia-Sarmatia.ru*

Кроме отмеченной программы вокруг большой новостройки — «Курского моря», в область приезжали и другие специалисты — в соответствии с собственными планами научных изысканий по разным темам древней истории.

Это специалисты по эпохе палеолита — М.Д. Гвоздовер (Москва), П.И. Борисковский, Г.П. Григорьев, Г.В. Григорьева (Ленинград / Санкт-Петербург); В.Е. Щелинский, С.Н. Алексеев, В.И. Беляева, Е.В. Булочникова (Москва), А.А. Чубур (Брянск); по хуже всего известным здесь памятникам

неолита — *Лия Яковлевна Крижевская* (1916–1995) (Ленинград / Санкт-Петербург).

*Из находок экспедиции О.А. Радюша на курской земле 2019 года.
Фото из Ювелирного блога Silver-Mania.*

Принципиально важное значение для решения ключевых проблем отечественной археологии и истории рубежа I и II тысячелетий новой эры имели также раскопки Большого Горнальского городища на Псле, осуществлённые под руководством *Андрея Васильевича Кузы* и при участии А.В. Кашкина, Г.Ф. Соловьёвой, А.А. Узянова и некоторых других их коллег из московского Института археологии АН СССР (ныне РАН). Реставрированные находки из этих и последовавших затем на Тускари раскопок роменских памятников частично экспонировались во вновь открытом после долголетнего ремонта Государственном Историческом музее на Красной площади Москвы, хранятся в его фондах, участвовали в

устроивавшейся этим музеем в своём Новодевичьем филиале международной выставке «Путь "из варяг в греки и из грек... "».

Древности поздне римского ареала и раннесредневекового (для Европы) периода плодотворно изучались на территории области *Евгением Алексеевичем* (1940–1981) и *Валентиной Михайловной Горюновыми, Ольгой Алексеевной Щегловой* (С.-Петербург), *Андреем Михайловичем Обломским* (Москва), *Ростиславом Всеволодовичем Терпиловским* (Киев).

В 2010-е годы наиболее результативные — с точки зрения открытий для исторической науки и музейной экспозиционности — разведки и раскопки на территории Курской области производила *Сеймско-Суджанская экспедиция* Института археологии РАН под руководством *Олега Александровича Радюша*. Учёный специализируется на памятниках эпохи Великого переселения народов, первой половины I тысячелетия новой эры в Центральной России. В моей книге уже рассказывалось об уникальных погребениях той поры — вождей готов или гуннов, которые здесь находили время от времени уже более ста лет и принимали за клады (старо- и новосуджанские и другие). Важным достижением О.А. Радюша и его коллег стало методичное исследование мест обнаружения этих сокровищ и находка синхронных им поселений знаменитой черняховской культуры. Их раскопки принесли новые чудесные находки. Так, летом 2019 года в Большесолдатском районе москвичи обнаружили артефакты, датированные III–IV веками н.э. Среди них фрагменты керамики, шлем (!), горны и инструменты ювелиров для плавки цветных металлов; ювелирные украшения, монеты (!!) и золотой слиток (!!!) (то ли заготовка ремесленника-ювелира, то ли платёжное средство вроде древнерусской гривны); жилища типа позднейших хат-мазанок. Эти раскопки посетил заместитель председателя правительства РФ Максим Акимов в ходе своего делового визита в Курскую область.

Прекрасный эпилог моего очерка современного состояния курской археологии.